

на целых шестистах страницах»...

Не знаешь, чего больше в этих непопустительных отзывах грубости и презрения к человеку, или захоластной кичливости и дворянской надменности!

«КОЧЕВЬЕ»

После летнего перерыва, в начале октября вновь устраиваются литературные вечера парижского объединения писателей «Кочевье». Первый вечер (по счету 50-й) будет посвящен творчеству **А. Чехова**. В будущем предполагаются доклады и прения об Алексее Ремизове, Борисе Пастернаке, М. Цветаевой, Б. Зайцеве, вечера литературных новинок, доклады на общие темы и т. д.

На этих страницах в свое время давались краткие отчеты о деятельности «Кочевья». Кроме тех вечеров, которые уже были упомянуты, до летнего перерыва состоялось еще несколько — и о них — в настоящей заметке — мы и напомним.

Одним из самых интересных «четвергов» был — вечер, посвященный «Жизни Арсеньева», **Ив. Бунина**. Докладчик (В. Фохт), остановился на философской стороне этого произведения — возражавший ему Б. Сосинский отметил художественные достоинства «Жизни Арсеньева» и назвал Бунина — последним русским классиком. Чрезвычайно любопытным было выступление кн. Святополк-Мирского, как всегда, резко и парадоксально пытавшегося развенчать и уничтожить Бунина, «писа-

теля Елецкого уезда». Мих. Цетлин страстно возражал Святополк-Мирскому. Все прения носили очень серьезный характер (в них участвовали еще: Г. Адамович, М. Цветаева, Н. Рейзини, Б. Поплавский, В. Андреев) — и по истечении времени были перенесены на следующий четверг.

Любопытным был вечер, на котором разбирались последние книги «Воли России». Докладчик Н. Рейзини, коснувшийся главным образом беллетристики (о поэзии в этом журнале прочел краткий доклад Б. Сосинский) — обрушился на произведения молодых писателей, и, дав не лестные характеристики большинству из них, выделил только двух-трех. Так как главные обвинения г. Рейзини были направлены против редакции «Воли России» — то в защиту ее выступил присутствовавший на вечере один из членов редакции, В. И. Лебедев. В живой и образной речи — последний объяснил слушателям отношение редакции к молодежи, значение ее работы в эмиграции — и дал иную характеристику, более благоприятную, большинству новых писателей.

Веселым и легким был вечер чтения и разбора рассказов **М. Зощенко** — вечер отдыха в «Кочевьи» от серьезных тем, хотя некоторые оппоненты и старались серьезно подойти к этому писателю.

Вечер устных рецензий был посвящен новым книгам — «Египетской марке», О. Мандельштама (докл. Б. Сосинский), «Зависти» Ю. Олеси (докл. Н. Рейзини) и Петербургским зимам, Г. Ивано-

ва (докл. Б. Поплавский). Прения возникли вокруг книги Г. Иванова. Доклад о ней был очень хвалебный — поэтому В. Андреев и др., уменьшая значение ее в общем, указали многие ошибки, неточности — в описании реальных событий. Н. Оцуп подробно защищал Г. Иванова, сравнивая его книгу с «воспоминаниями о Блоке», А. Белого. На следующем вечере устных рецензий разбирались: столь шумевшее теперь «Красное дерево» Б. Пильняка (докл. Б. Сосинский) и «Писатели» (автобиографии советских писателей) — докл. Г. Газданов.

Кроме всех перечисленных вечеров — был еще доклад Б. Поплавского — на тему о музыке в поэзии.

ЭТЮДЫ О ПУШКИНЕ¹⁾

Из трех «этюдов» проф. Е. Ф. Шмурло общий интерес представляет лишь первый — «Роль Карамзина в создании пушкинского «Бориса Годунова». Известное мнение Белинского и Полевого о «рабской подражательности» Пушкина Карамзину давно уже вызвало, быть может, даже и ненужные, возражения, из которых наиболее решительным следует считать работу Жданова «О драме А. С. Пушкина «Борис Годунов», СПб. 1892 г.». Проф. Шмурло только вносит небезынтересные «поправки в оценку не только

первоначальную (Полевого и Белинского), но и последующую (Ждановскую)... Нужно сразу заметить, что все, касающееся истории этого спора, а вместе с тем и истории появления «Бориса Годунова», в работе проф. Шмурло, как и следовало ожидать, представляет несомненную ценность.

В отношении же идейного содержания этого «этюда», проф. Шмурло, занимающий среднюю позицию между двумя лагерями, и больше всего старающийся смягчить категоричность Жданова, должно быть, неожиданно для самого себя, преувеличивает значение и роль «Истории Государства Российского» в отношении к пушкинской трагедии. В самом начале установив естественное положение, что «в вопросе о влиянии Карамзина на Пушкина необходимо различать его материальную²⁾ зависимость от его духовной самостоятельности», автор этюда грешит тем, что очевидно «материальную» зависимость сам неоднократно принимает за духовную.

Яснее всего ошибка профессора Шмурло видна на одной из ключительных его фраз: «Если форму Пушкин заимствовал у Шекспира, если в расположении частей чувствуется влияние Шлегеля, то содержанием он обязан «Истории Г. Р.» и летописям; не надо только забывать, что не летописи привели Пушкина к Карамзину, а Карамзин привел его к летописям... Не следует ли из такой постановки вопроса, что в этом смысле — Пушкин «заимствовал» у крепостного

1) Е. Шмурло. Этюды о Пушкине. 1-3. Типография «Политика», Прага.

2) Подчеркнуто Е. Ф. Шмурло.